https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-454-467
https://elibrary.ru/EVTAHD
УДК 82.0
Научная статья / Research Article
18+

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

АНТИНОМИЯ «МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО» В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ АКМЕИЗМА: СЛУЧАЙ Н.С. ГУМИЛЕВА

© 2026 г. А.В. Филатов

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению значения антиномии «мужского и женского» в публичных и печатных выступлениях Н.С. Гумилева, решавших задачу обоснования художественной программы акмеизма и предшествовавших публикации двух манифестов новой литературной школы в журнале «Аполлон» в 1913 г. Показано, что Гумилев сознательно связывал акмеистическую поэтику и адамистическое мировоззрение с мужским началом, противопоставляя их символизму, выдвигавшему на первый план женскую стихию. Отмечается, что несмотря на большой теоретический и полемический потенциал данной антиномии, демонстрировавшей реальные различия в стилевых манерах и эстетических принципах двух явлений литературного процесса, лидер акмеизма в итоге отказался от дальнейшей разработки этой концепции и от ее включения в тексты программных для акмеизма статей. Высказывается предположение, что вероятной причиной такого решения было стремление подчеркнуть синтетический характер нового поэтического течения, а также избежать нежелательных ассоциаций с теоретическими построениями Вяч. Иванова, который также обращался к категориям мужского и женского для осмысления сущности символистского искусства и путей его дальнейшего развития.

Ключевые слова: «мужское и женское», акмеизм, символизм, художественная программа, Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, Вяч. Иванов

Информация об авторе: Антон Владимирович Филатов — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы, филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6683-9376

E-mail: avphilatov@yandex.ru

Для цитирования: *Филатов А.В.* Антиномия «мужского и женского» в теоретическом самоопределении акмеизма: случай Н.С. Гумилева // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 454–467. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-454-467

THE ANTINOMY OF "MASCULINE AND FEMININE" IN THE THEORETICAL SELF-DETERMINATION OF ACMEISM: THE CASE OF N.S. GUMILEV

© 2026. Anton V. Filatov

Abstract: The article considers the importance of the antinomy of «masculine and feminine» in Nikolay Gumilev's public speeches and print papers devoted to the substantiation of the artistic program of Acmeism and preceding the publication of two manifestos of the new literary school in the *Apollo* magazine in 1913. It is shown that Gumilev consciously linked Acmeistic poetics and the Adamistic worldview with the masculine principle, contrasting them with Symbolism, which highlighted the feminine element. It is noted that despite the great theoretical and polemical potential of this antinomy, which demonstrated real differences in the stylistic manners and aesthetic principles of the two phenomena of the literary process, the leader of Acmeism eventually refused to further develop this concept and did not include it in the texts of articles programmatic for Acmeism. It is suggested that the probable reason for this decision was the desire to emphasize the synthetic nature of the new poetic school, as well as to avoid undesirable associations with the theoretical constructions of Vyacheslav Ivanov, who also turned to the categories of male and female to understand the essence of Symbolist art and the ways of its further development.

Keywords: male and female, Acmeism, Symbolism, artistic program, N.S. Gumilev, S.M. Gorodetsky, V.I. Ivanov

Information about the author: Anton V. Filatov, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Theory of Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1/51, 199991 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6683-9376

E-mail: avphilatov@yandex.ru

For citation: Filatov, A.V. "The Antinomy of 'Masculine and Feminine' in the Theoretical Self-Determination of Acmeism: The Case of N.S. Gumilev." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The An-*

tinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 454–467. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-454-467

Как известно, представления о категориях мужского и женского не ограничиваются только физиологическими характеристиками или гендерными моделями. В семиотическом пространстве культуры названные начала получают ряд символических значений, не отменяющих, но дополняющих их непосредственное содержание. Исходная полярность компонентов данной антиномии приводит к тому, что они наделяются аксиологическим статусом и, как следствие, зачастую упрощаются до бинарной оппозиции, представляя собой уже не диалектическое единство двух противоположных явлений, каждое из которых само по себе обладает логической завершенностью и смысловой целостностью, а их контрастное противопоставление по определенному ценностному критерию. Как отмечают О.Р. Демидова и Е.А. Потехина, в европейской культуре Нового времени «мужское и женское выстраивалось в четко иерархизированную конструкцию, основанную на ряде бинарных оппозиций: духовное — телесное, возвышенное — низменное, разумное — природное и пр.» [2, с. 19]. К данному перечню символических значений, проецируемых как на реальное соотношение полов, так и на культурные концепты мужского и женского, можно также добавить оппозиции «рациональное — эмоциональное», «активное — пассивное», «твердое — мягкое», «объективное — субъективное», «инициативное — рецептивное», «начинающее — воспринимающее», «динамическое — статическое» (к ним, в частности, обращаются К.Г. Юнг и его последователи, описывая архетипы анимуса и анимы [13, с. 183–200]) и т. д.

Долгое время «присущие женскому особенности <…> чаще всего получали негативную оценку в обществе» [2, с. 19], однако эпоха рубежа XIX–XX вв., ознаменовавшаяся «резким переломом в положении женщин, а также литературных форм его репрезентации» [5, с. 12], внесла ряд существенных изменений в гендерный порядок культуры, а также в представления о соотношении мужского и женского. По словам О.А. Рябова, «основной пафос суждений русских мыслителей Серебряного века о женщине был направлен против мизогинии. Постоянная идея философии этого времени — комплементарность, взаимодополнительность женского и мужского начал» [10, с. 34], которая, однако, не исключала их традиционной иерархии, вполне

допуская в отдельных аспектах ее инверсию: «…ведь женщина не ниже мужчины, она, по меньшей мере, равна ему, *а то и выше его*», — отмечет Н.А. Бердяев (курсив здесь и далее наш. — *А.Ф.*), особенно подчеркивая: «Без начала женственности жизнь превратилась бы в сухую отвлеченность, в скелет, в бездушный механизм» [14, с. 251, 254].

Обозначенная переоценка соотношения компонентов интересующей нас антиномии, равно как и контекстуальная обусловленность их символических значений проводит к тому, что в одних случаях в роли положительного может оказаться мужское, а в других — женское начало. Подобная смысловая амбивалентность делает данное противопоставление удобным инструментом для ведения полемики, поскольку оно может «переворачиваться» в выгодном для говорящего свете. Судя по всему, именно такую полемическую функцию первоначально должна была выполнять антиномия мужского и женского в художественной программе акмеизма. Она обнаруживается не только в статьях и критических рецензиях Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого — лидеров нового поэтического движения, но и в их публичных выступлениях, одно из которых станет отправной точкой наших размышлений.

Обосновывая противопоставление акмеизма и символизма, Гумилев обратился к данной антиномии, прочно ассоциируя символистское искусство с женским началом. Поэт заявил об этом за месяц до появления в печати двух манифестов новой школы — в декабре 1912 г. На прениях, состоявшихся после лекции своего соратника Городецкого в кабаре «Бродячая собака» 19 декабря, он отметил: «В символизме неустойчивость формы — *женская струя*, в акмеизме — твердость, определенность форм — *мужская струя*. Символизм всегда шел по линии наименьшего сопротивления, акмеизм идет по линии наибольшего сопротивления» [23, с. 2]. В другом газетном отчете об этом вечере также сообщалось, что акмеизм, по словам Гумилева, «выдвигает “мужскую струю в поэзии” в противоположность “женской струе”, которую выдвигал символизм» [25, с. 5]. Таким образом, не приходится сомневаться, что мысль о размежевании двух поэтических школ по обозначенному критерию действительно была озвучена акмеистом, но по какой-то причине не вошла в текст его манифеста, над которым он, вероятно, уже активно работал в то время.

Как видно, в заявлении Гумилева мужское паронимически сближается с мужественным, женское — с женственным. Логическими предикатами этих понятий выступают, с одной стороны, оформленность и активность, а с другой, аморфность («неустойчивость фор-

мы») и пассивность («линия наименьшего сопротивления»), что в целом соответствует трактовкам мужского и женского в философии и культуре Серебряного века [10, с. 10–11]. В этом свете получает дополнительное обоснование вошедшее в гумилевский манифест определение адамизма как «мужественно твердого и ясного взгляда на жизнь» [22, т. 7, с. 147], которое, судя по всему, является отголоском озвученной им в прениях мысли. Не менее важен в этой связи и выбор в качестве мифологического эталона поэта в акмеизме образа ветхозаветного Адама — не просто первого человека, но и *первого мужчины*, судьба которого в художественной трактовке Гумилева и является примером стойкого и храброго принятия жизни со всеми ее трудностями (см. об этом: [11]). Неслучайно уже в раннем творчестве поэта библейский персонаж наделялся обозначенными «мужественными» чертами (стойкостью, упорством, твердостью убеждений, серьезностью и т. п.), что, видимо, и делало его наиболее подходящей фигурой для репрезентации мужской поэтики акмеизма. Ср.: «Служеньем Иному прекрасны и грубы, */ Нахмурены брови и стиснуты губы*», «Он любит *забавы опасной игры — / Искать в океанах безвестные страны, / Ступать безрассудно на волчьи поляны / И видеть равнину с высокой горы*» («Сон Адама», 1909); «*В суровой доле будь упрям,* / Будь *хмурым*, бледным и согбенным, / Но не скорби по тем плодам, / Неискупленным и презренным» («Адам», 1910) [22, т. 1, с. 255, 256, 269]. Совсем иное прочтение образ первого человека получает в стихотворении символиста В.Я. Брюсова «Адам и Ева», где описание грехопадения носит эротический характер, а библейский герой показан как страстный любовник: «Что жжет дыханье, Ева! Ева! / Едва могу взглянуть, вздохнуть… / Что это: плод, упавший с древа, / Иль то твоя живая грудь?» [17, с. 384].

В то же время нельзя сказать, что сближение символизма с женским началом было изобретением Гумилева. Напротив, к 1912 г. оно уже стало общим местом в восприятии новейшей модернистской поэзии во многом благодаря ключевой для младосимволистов идее «Мировой Души», усвоенной через философию и поэзию Вл.С. Соловьева и воплощенной в ряде женских софийных образов-символов А.А. Блока, А. Белого, Вяч.И. Иванова и др. [9, с. 80–82]. Как отмечает З.Г. Минц, мифопоэтическим метасюжетом всего русского символизма выступает «борьба Божественного Космоса и Хаоса за Душу мира» [8, с. 66] — вечно женственное начало бытия, благодаря чему категория женского / женственного выдвигается в центр мировосприятия и поэтики данного литературного течения. Весьма характерна в этой связи дневниковая запись Блока, сделанная в 1902 г.: «…давно уже хочу я поло-

жить основание мистической философии моего духа. Установившимся наиболее началом смело могу назвать только одно: *женственное*» [15, т. 7, с. 48]. Таким образом, ключевая для программы акмеизма фигура Адама выступала во многом и как антипод мифологеме Софии, усиливая противоположный характер двух литературных школ.

Однако Гумилев в своем заявлении мог апеллировать не только к описанному культурному топосу модернистской эпохи. Ассоциируя символизм с женским началом, поэт, вероятно, вполне сознательно опирается на идеи Вяч. Иванова. Обосновывая антиномичность развития новейшей русской поэзии, теоретик символизма полагал, что она в конечном итоге придет «к *женственной* планетарности мифотворчества всенародного — чрез *мужественную* солнечность утверждающего мистическую личность почина» [24, с. 244]. Здесь в рассуждениях Иванова обращает на себя внимание имплицитная связь мужественного с аполлоническим (оформляющим, личностным), а женственного — с дионисийским (стихийным, коллективным) началами[1], которая также оказывается важна в контексте противостояния двух поэтических течений. Напомним, что печатным органом и выразителем идей акмеистов был журнал «Аполлон», само название которого, восходящее к описанной Ф. Ницше дихотомии, однозначно указывает на разделяемые его сотрудниками философско-эстетические установки (см.: [7]). «В самом заглавии — избранный нами путь», — лаконично заявлял издатель «Аполлона» С.К. Маковский в редакторском «Вступлении» к первому номеру журнала, возражая против «бесформенных дерзаний творчества, забывшего законы культурной преемственности» [27, с. 3].

В концепции Иванова мужское и женское начала воплощаются в «двух стихиях» символизма — его реалистическом и идеалистическом типах: «Реализм и идеализм <…> оба везде различимы, как формы типа женского, рецептивного (реализм) и мужеского, инициативного (идеализм)» [24, с. 252]. Подобная трактовка, с одной стороны, акцентирует полярность творческих принципов двух явлений, а с другой — указывает на их глубинный комплементарный характер, открывая путь к возможному синтезу[2]. В то же время сам Иванов отдавал явное предпочтение «женскому», т. е. реалистическому символизму, видя в нем залог возникновения подлинного мифотворчества как высшего этапа в развитии искусства. В целом поэт полагал, что

[1] О связи этих категорий см.: [10, с. 29–30].

[2] Идея синтеза мужского и женского начал была реализована Ивановым в его концепции андрогина; см.: [10, с. 78].

«переживания экстатического порядка (к которым символисты относили как мистические откровения, так и творческие озарения. — А.Ф.) суть переживания *женственной части я*, когда Психея в нас высвобождается из-под власти и опеки нашего сознательного мужского начала <…> наподобие Мэнады, призывающей Диониса. Ибо эта *женственная часть* нашего сокровенного существа утверждает свою обособленную жизнь только при угашении внутреннего очага наших мужественных энергий *подобно тому, как Ева возникает во время сна Адамова*» [24, с. 427–428][3]. Сопоставление библейского прародителя с мужественной (т. е. аполлонической, сознательной) стороной человеческой личности вполне могло быть взято на вооружение лидерами акмеистов, которые были хорошо знакомы не только с хозяином «Башни», но и с его теоретическими и литературно-критическими работами. В то же время положение о том, что мужская часть «я» уступает место женской в моменты подлинного вдохновения и приобщения поэта к высшей реальности, очевидно, не соответствовало акмеистическим установкам и могло стать одним из отправных пунктов для полемики с символизмом.

Таким образом, Гумилев использует ивановскую трактовку антиномии «мужского и женского», проецируя ее на актуальный литературный процесс и используя для объяснения художественных принципов акмеизма, однако переосмысляет логику философско-эстетических построений старшего поэта. Иванов рассматривал «мужское и женское» как корреляты рецептивного и инициативного (воспринимающего и творящего) начал, отдавая предпочтение первому, поскольку с его помощью поэт-символист может воспринять и отразить в своем творчестве вечные ценности высшей реальности (realiorum), а не создавать фантомные миры силой своего индивидуального воображения, прячась в них от подлинной действительности, как это происходило, по его мнению, в творчестве декадентов. Акмеист Гумилев, явно упрощая мысль старшего поэта, напротив, связывал два компонента антиномии с мужественностью (стойкостью, оформленностью) и женственностью (мягкостью, аморфностью) мировоззрения и стиля художника. Если у Иванова женское начало занимало положительный полюс дихотомии, то Гумилев, напротив, оценивал его скорее негативно.

---

[3] Отметим, что со взглядами Иванова в 1909 г. солидаризировался будущий акмеист Городецкий, последовательно пересказывая основные положения его теории в статье «Идолотворчество» и иллюстрируя разные символистские течения с помощью мужских и женских образов; см.: [19].

О таком отношении свидетельствует не только декабрьское выступление поэта в «Бродячей собаке», но и его отклик на книгу стихов своего соратника Городецкого «Ива» (1912), который был напечатан в сентябрьском номере «Аполлона» за 1912 г. Правомерно рассматривать эту небольшую публикацию как «предманифестную», поскольку в ней Гумилев впервые в своем творчестве употребляет слово «акмеизм» [22, т. 7, с. 437]. Данная рецензия, безусловно, была важна и как демонстрация творческого альянса двух синдиков «Цеха поэтов», и как подготовка к презентации собственной художественной программы, состоявшейся в одном из следующих выпусков журнала. Перечисляя в своем отзыве отдельные стихотворения из «Ивы», Гумилев отмечает: «“Странники”, “Нищая”, “Волк” являются представителями *мужской стихии акмеизма* в стихах Сергея Городецкого, цикл “Пытая Жизнь” — *женской*. Мне кажется, последняя — ближе поэту. Потому что, несмотря на великолепный задор и лапидарность выражений, в стихах первой категории, в них есть какая-то мягкость и нежная задумчивость <…>» [22, т. 7, с. 136–137].

Обратим внимание, что здесь поэт говорит о мужском и женском как двух стихиях *внутри* акмеизма, и это как будто противоречит его трактовке этой антиномии для противопоставления двух литературных течений. С одной стороны, Гумилев в данном случае мог сознательно не договорить и затемнить свою мысль: в рецензии он также отмечает, что в «Иву» вошли символистские стихи, «в которых образ по сравнению с ритмом играет чисто служебную роль», а потому они оказываются «слабее других» [22, т. 7, с. 135]. Однако «цеховая» необходимость оценить новую книгу Городецкого как положительно акмеистическую заставляет критика закрыть глаза на ее по большей части символистское содержание (вполне объяснимое, если учесть, что «Ива» включала стихотворения, создававшиеся в 1908–1912 гг., когда ее автор был символистом), чтобы создать у читателя впечатление о преобладании в ней именно мужской (акмеистической) стихии, которая поэтому иллюстрируется тремя стихотворениями, тогда как женская — только одним лирическим циклом. Думается, ограниченный объем журнальной рецензии был не единственной причиной того, что Гумилев упоминает в своем отзыве только четыре произведения из более чем ста сорока текстов, вошедших в «Иву».

С другой стороны (и это кажется более вероятным), поэт мог изначально ассоциировать мужское и женское с определенными формально-содержательными художественными тенденциями, присутствующими как в символизме, так и в акмеизме, но представленными в поэзии этих школ в разной пропорции. Данная трактовка вполне

согласуется с общей для эпохи идеей комплементарности двух начал, а также проясняет зафиксированную в газетном отчете мысль Гумилева о том, что акмеизм «*выдвигает* “мужскую струю в поэзии”»: в таком случае, по мнению поэта, новое литературное течение не отвергает женское начало в искусстве, но ставит его на второй план по отношению к мужскому.

Обращение к отмеченным в рецензии стихотворениям Городецкого несколько уточняет гумилевское понимание мужской стихии, связанной с «великолепным задором и лапидарностью выражений». Герои «Странников» — идущие с посохами по Руси монахи-паломники, у которых «давно обветренные лица о ветры всей родной земли» и «глаза, летящие, как птицы, из-под надвинутой скуфьи» [18, с. 9], напоминают мужественных героев-путешественников самого Гумилева, превозмогающих все тяготы жизни ради высшей цели, — прежде всего, героя стихотворения «Паломник» (1911), которое сам Городецкий упоминает в своем отзыве на книгу стихов Гумилева «Чужое небо» [22, т. 2, с. 258]. «Нищая», вероятно, была отмечена рецензентом в силу своего жизнеутверждающего финала — воодушевленного обращения лирического субъекта к Руси: «Ну-ка, вздохни по-старинному, / Злую помеху свали, / Чтобы опять по былинному / Силы твои расцвели!» [18, с. 18]. Подобный призыв вполне отвечает ключевым ценностям акмеизма, определяемого Гумилевым в той же рецензии как «*расцвет* всех духовных и физических *сил*» [22, т. 7, с. 136]. Стихотворение «Волк» написано от лица животного, что высвечивает «бестиарную» сторону акмеистической программы, отмеченную в манифестах, ср.: «Как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [22, т. 7, с. 148]; «Первым этапом выявления этой любви к миру была экзотика. Как бы вновь сотворенные, в поэзию хлынули звери; слоны, жирафы, львы, попугаи с Антильских островов наполняли ранние стихи Н. Гумилева» [6, с. 182]. Любопытно, что Городецкий иллюстрируют этот аспект акмеизма прежде всего творчеством своего соратника. В то же время у обоих поэтов мужское начало сближается с животным, природным, земным, т. е. посюсторонним, тогда как ивановская трактовка этой категории была противоположной и связывала ее с духовным, идеалистическим аспектом.

Три рассмотренных стихотворения также объединяет наличие в них эпического компонента — сюжетного начала. В отличие от них, отнесенный Гумилевым к «женской стихии» цикл «Пытая жизнь» представляет собой образец чистой лирики. Включенные в него произведения содержат размышления тоскующего героя о тайне смерти, о глу-

бинах человеческой души, о том, что «никто доныне не ответил мне правды всей о бытии» [18, с. 219]. Он размышляет о вечном, глядя на звездное небо: «Я один над морем, небо надо мной / Письмена Медведиц, белые валы… / Отлучен от власти тяжести земной, / Весь во власти легкой, первозданной мглы» [18, с. 221]. Понятно, почему такие «ночные» стихи, заставляющие читателя задуматься о потустороннем, осознать свою земную, телесную ограниченность («дух приунылый чувствует: втиснут в позорную клеть» [18, с. 220]), были квалифицированы рецензентом как *женские* — чисто лирические, они к тому же наполнены традиционными символистскими образами и мотивами.

Интересно, что оппозиция «эпос — лирика» является еще одним, собственно литературным коррелятом антиномии «мужского и женского». Это, например, отмечал Блок, рассуждавший о взаимодействии двух литературных родов в стихах Городецкого, персонифицируя их как мужчину и женщину: «Так, может быть, он — светлый *эпос*, *твердое копье событий* — ограждает от утреннего холода ее — *нежную лирику* <…>. В эпосе <…> прежде всего Городецкий видит *спасительный маяк*, без которого он потерял бы путь и заблудился бы в неверной и широкой своей *стихии*, в “родимом хаосе” лирики» [15, т. 5, с. 150–151]. Очевидные здесь параллели между эпосом и аполлоническим, лирикой и дионисийским началами демонстрируют укорененность данных представлений в культуре «серебряного века». В этой связи стоит напомнить и об эпическом характере поэзии самого Гумилева, которую отмечали как критики («Иногда нам кажется, что Гумилев больше эпик, чем лирик...» [21, с. 350]; «лучше удается Н. Гумилеву лирика “объективная”, где сам поэт исчезает за нарисованными им образами» [16, с. 345]), так и исследователи: «Для выражения своего настроения он (Гумилев. — *А.Ф.*) создает объективный мир зрительных образов, напряженных и ярких, он вводит в свои стихи повествовательный элемент и придает им характер полуэпический — балладную форму» [3, с. 422] (см. также: [4]). Таким образом, мужское начало в искусстве для Гумилева получало устойчивую связь не только с ясностью выражений, строгостью формы и жизнеутверждающим содержанием, но и с объективным характером изображаемого художественного мира, которое достигалось через усиление эпической составляющей. Последнее он вполне сознательно культивировал в собственном творчестве, о чем сообщал в одном из писем Брюсову: «Мне верится, что можно еще многое сделать, не бросая лиро-эпического метода, но только перейдя от тем личных к общечеловеческим, пусть стихийным, но под условьем всегда чувствовать под ногами твердую почву» [22, т. 8, с. 147].

Тем не менее приходится признать, что антиномия «мужского и женского», имея достаточно существенный теоретический потенциал для обоснования разграничения акмеизма и символизма, что было одной из главных задач манифестов новой школы[4], не получила в них программного закрепления, хотя и стала имплицитной характеристикой акмеистической поэзии благодаря концепции адамизма и тем формально-содержательным чертам (ясности и лапидарности стиля, рассудочности, эмоциональной бедности, формальной точности [3]), которые ассоциировались с мужским началом. Попробуем предположить, что могло послужить причиной отказа Гумилева и Городецкого от дальнейшей разработки этой концепции и ее включения в тексты своих программных статей.

Во-первых, декларирование связи акмеизма с мужской стихией было бы воспринято на фоне достаточно известной и авторитетной в модернистских кругах концепции Вяч. Иванова, что вызвало бы ненужные новой школе ассоциации с индивидуалистическим символизмом. Стоит напомнить, что современники небезосновательно видели в Гумилеве одного из последовательных учеников Брюсова, вслед за ним культивировавшего в своем творчестве «парнасскую» эстетику (сам Городецкий еще до союза с Гумилевым с насмешкой называл будущего соратника «формотворцем» и «оруженосцем Брюсова» [20, с. 56]). Как отмечал М.Л. Гаспаров, акмеистическая программа и творчество лидера новой школы «тотчас были оценены как “парнасские”» [1, с. 303], — как прямое продолжение одной из традиций антиномической поэтики модернизма. В подобных условиях апелляция к категориям мужского и женского могла лишь усилить восприятие акмеизма как эпигонского, а для младосимволистов даже как регрессивного явления литературного процесса.

Во-вторых, стремление Гумилева и Городецкого позиционировать свою поэтическую школу как синтетическое течение[5], аккумулирующее в себе достижения предшественников различных эстетических взглядов (старших и младших символистов, учениками которых — в лице В. Брюсова и Вяч. Иванова — были лидеры акмеизма), обязывало их не выдвигать на первый план мужскую или женскую стихию, а, напротив, включать обе в свою программу, постулируя их диалектическое единство.

---

[4] Как отмечают Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, «и Гумилев, и Городецкий, и Мандельштам ставили перед собой задачу отделиться от ближайших предшественников, то есть от символистов, с эстетикой и поэтикой которых каждый из них был генетически связан» [6, с. 185].

[5] Подробнее о синтетических установках создателей акмеизма см.: [12].

Наконец, в-третьих, отказ от какой-либо манифестации антиномии «мужского и женского» в программных статьях позволял Гумилеву и Городецкому дистанцироваться от построений Вяч. Иванова ради большей теоретической самостоятельности, поскольку само использование данных категорий для осмысления современных поэтических течений, равно как и идея синтетического искусства, которое преодолеет противоречия между старшими и младшими символистами, «тезой» и «антитезой» в развитии модернистской поэзии — все эти идеи были восприняты и взяты акмеистами от Вяч. Иванова, который, по признанию О.Э. Мандельштама, сделанному уже в начале 1920-х гг., «много способствовал построению акмеистической теории» [26, с. 185].

Таким образом, антиномия «мужского и женского» была еще одним логическим инструментом для обоснования самостоятельности акмеистической поэтики и той художественной картины мира, которую отстаивали представители этой школы, а также для их обособления от символизма. Несмотря на достаточно большой теоретический и полемический потенциал, данная антиномия не была развернуто представлена в опубликованных в «Аполлоне» манифестах акмеизма и обнаруживается в эксплицитном виде только в отдельных публичных и печатных выступлениях Гумилева. По всей видимости, отказ от включения ее в программные тексты школы был вызван нежелательными ассоциациями с теоретическими построениями Вяч. Иванова, который также обращался к категориям мужского и женского для осмысления сущности символистского искусства и путей его дальнейшего развития. Стремясь к полной творческой независимости, синдики «Цеха поэтов», вероятно, хотели, чтобы их выступление против предшествующего течения создавало впечатление диалога на равных, для чего решили исключить из своих манифестов данную антиномию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 476 с.
2. *Демидова О.Р., Потехина Е.А.* Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: Русская культура, 2022. 174 с.

3. *Жирмунский В.М.* Преодолевшие символизм // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 397–427.
4. *Зобнин Ю.В.* Воля к балладе (лиро-эпос в акмеистической эстетике Гумилёва) // Гумилёвские чтения: материалы междунар. конф. филологов-славистов / сост. В.Е. Триодин, Ю.В. Зобнин. СПб.: СПбГУП, 1996. С. 111–119.
5. *Зусева-Озкан В.Б., Кузнецова Е.В.* Введение // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890-х – 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 9–25.
6. *Кихней Л.Г., Меркель Е.В*. Акмеизм: теория и художественная практика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 492 с.
7. *Мельник Н.Д.* Просветительская миссия журнала «Аполлон» (1909–1917): от символизма к акмеизму // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 1. С. 141–146.
8. *Минц З.Г.* Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 478 с.
9. *Полонский В.В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX — XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 471 с.
10. *Рябов О.А.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново: ИвГУ, 1997. 157 с.
11. *Филатов А.В.* Миф об Адаме в лирике Н.С. Гумилева // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 170–183. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-170-183
12. *Филатов А.В.* Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий как теоретики акмеизма: к вопросу о философии нового течения // Поэзия мысли: От романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского / под ред. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. С. 293–300. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 6).
13. *Юнг К.Г., Франц М.-Л. фон, Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А.* Человек и его символы / пер. И.Н. Сиренко, С.Н. Сиренко, Н.А. Сиренко. М.: Медков С.Б., Серебряные нити, 2006. 352 с.

Источники

14. *Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 232–265.

15. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963.
16. *Брюсов В.Я.* Дебютанты (отрывок) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 345–346.
17. *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. 670 с.
18. *Городецкий С.* Ива. Пятая книга стихов. СПб.: Шиповник, 1913. 255 с.
19. *Городецкий С.* Идолотворчество // Золотое руно. 1909. № 1. С. 93–101.
20. *Городецкий С.* Формотворчество // Золотое руно. 1909. № 10. С. 52–58.
21. *Гофман В.В.* Н. Гумилев. Романтические цветы // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 350.
22. *Гумилев Н.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 1998–2007.
23. *И.К.* Символизм и акмеизм (Лекция Сергея Городецкого в подвале «Бродячей Собаки») // Речь. 1912. № 353. 24 декабря.
24. *Иванов Вяч.* По звездам. Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. 438 с.
25. *Л.* Символизм и акмеизм // Русская молва. 1912. № 14. 22 декабря.
26. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2: Проза. 464 с.
27. *Ред.* [*Маковский С.К.*]. Вступление // Аполлон. 1909. № 1. С. 3–4.